

иллюзий. Упомянутую выше идущую из квалифицированных кругов и проникающую в остальные слои общественного мнения реакцию следует сердечно приветствовать. Однако понадобится еще много времени, чтобы основательно нейтрализовать вредные влияния, которые в течение долгих лет самой активной пропаганды оказывала теория прамонотеизма с применением столь многих средств проникновения и распространения, с использованием факторов не чисто научного характера. В Италии (где до сих пор следуют Венской школе в строго шмидтовском духе) несколько месяцев назад вышла книга (R. Boccassino, *Etnologia religiosa: Le scuole evoluzioniste e le scuole storiche*), в которой ведется борьба против анахронистического эволюционизма и нет ни одного слова о нынешней ориентации Венской школы»⁴⁶. Нас здесь интересует не научная позиция Р. Петтацони, который уже много лет выступает против «прамонотеизма» как против «теории», в которой слишком явно торчат богословские уши, а его утверждение, что «прамонотеизм» кончился и что «Венская школа» изменила ориентацию. Р. Петтацони мог бы, пожалуй, сослаться и на И. Гекеля, который в упомянутой выше статье предлагает заменить термин «монотеизм» в применении к первобытности термином «вера во всевышнего» или «вера в высшее существо» (как будто дело только в названии!)⁴⁷.

Все сказанное нами выше, как и сами выступления деятелей «Антропоса» и «Венской школы», свидетельствуют о том, что говорить о начале и конце «прамонотеизма», о переориентации «Венской школы», о крахе «культурно-исторической школы» и т. д. можно лишь, памятуя, что мы всюду имеем здесь дело с камуфлированным под науку богословием. Конечно, трудно сказать, какие «методологические» повороты и тактические ходы будет дальше применять теологическая школа в этнографии и истории первобытного общества для того, чтобы приспособиться к обстановке, быстро меняющейся в наше время и в общественной жизни, и в науке. Одно ясно: судьба этой школы неразрывно связана с судьбами церкви, которая ее породила.

Деятельность журнала и института «Антропос» и связанного с ним направления относится не столько к истории науки, сколько к истории попыток церкви тем или иным путем поставить науку на службу религии и скрывающимся за нею интересам эксплуататорских классов. В течение всей истории классового общества религиозная идеология помогала эксплуататорам угнетать народные массы. В наше время церковь применяет особо утонченные методы, способствующие проникновению фидеизма в науку, чтобы использовать ее в интересах реакции. В борьбе прогрессивной науки против фидеизма немалое место занимает и борьба против замаскированной теологии, занимающей еще крепкие позиции в буржуазной истории первобытного общества и этнографии.

Б. Шаревская

НАРОДЫ СССР

В. В. Бардавелидзе. *Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен*, Тбилиси, 1937, изд. АН Груз.ССР, 16+305 стр., I—XXXII табл.

В этнографической литературе специальных широких исследований в области ранней истории религии грузинского народа, кроме акад. И. А. Джавахишвили, никто не вел. В свое время он же подверг критике неверные, слабо аргументированные высказывания отдельных исследователей о происхождении и сущности дохристианских верований грузинских племен, которые рассматривались преимущественно как продукт влияния восточного мира (М. М. Ковалевский, Н. Я. Марр, К. А. Инностранцев, Н. И. Веселовский и др.).

И. А. Джавахишвили вместе с тем учитывал сложность изучения ранней истории религиозных воззрений грузинских племен, и поэтому свои исследования о божествах небесных светил и вообще о дохристианских верованиях считал основанными лишь на находящихся его распоряжении материалах, в первую очередь на данных письменных источников. Ученый тогда же указывал на то, что таких материалов совершенно недостаточно для раскрытия полной картины древней истории религиозных представлений, и намечал в качестве неотложной задачи глубокое и всестороннее изучение пережиточно сохранившихся в народе верований и обрядов.

Развертывание полевых и камеральных работ, направленных к выполнению этой сложной задачи, стало возможно лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Советская этнографическая наука, получив широкие возможности развития, встала на твердые материалистические позиции в вопросах изучения религиозных представлений.

Труд В. В. Бардавелидзе основан на обширном конкретном и вместе с тем тщательно отобранном этнографическом материале. Это результат кропотливой почти

⁴⁶ Журн. «Numen», т. 5, вып. 2, 1958, стр. 162—163.

⁴⁷ J. Haeckel, Указ. раб., стр. 48.

тридцатилетней работы автора в разных местах Грузии. Изучив, проанализировав и обобщив собранные данные, В. В. Бардавелидзе, кроме того, широко привлекла историко-археологические, языковые, фольклорные и другие материалы по Грузии и Кавказу в целом, а также данные общей этнографии и истории.

Использование этнографических материалов в качестве основы этого труда обусловлено тем обстоятельством, что для изучения ранних ступеней религиозных представлений почти единственным источником являются пережиточно сохранившиеся в живом быту факты. Достоверность же этих материалов обеспечивается тем методом послевоенных этнографических исследований, который успешно применяет в своей работе советская этнографическая школа. Опираясь на марксистско-ленинское положение о том, что религиозные верования представляют собой фантастическое отображение в головах людей сил внешней природы и общественных явлений и что изучение религиозных воззрений в историческом разрезе дает возможность вскрыть этапы их развития, соответствующие определенным ступеням общественно-экономического строя, автор приходит к ряду правильных материалистических выводов. В частности, комплексное изучение базисных и надстроечных явлений в одной этнической среде по мелким и крупным общественным объединениям (семья, фамилия, квартал, селение, ущелье и др.) с учетом динамики развития и исторических связей явлений дает материал первостепенного научного значения. Вместе с тем этот материал свидетельствует об исключительной сложности древнейших общественных и идеологических явлений.

В целом рецензируемый труд касается политизма грузинских племен. Автор устанавливает две ступени развития древнегрузинского пантеона, соответствующие двум ступеням общественного развития грузинских племен, — пантеон периода разложения первобытно-общинного строя (военная демократия) и пантеон раннеклассового общества. В книге наглядно показаны выясненные автором состав, иерархия, природа и функции божеств, входящих в пантеон.

Заслуживает внимания установление автором того факта, что, если на ранней ступени этот пантеон, соответственно низкому уровню экономического и культурно-идеологического развития общества, отображал довольно простое небо и его строго антропоморфные божества олицетворяли из небесных светил только луну, солнце и звезды, то на последующей ступени положение заметно изменилось: в составе пантеона уже фигурируют четко дифференцированные и наделенные характерными индивидуальными свойствами и функциями божества. Одно из значительных явлений в небесном царстве представляет, как это убедительно показано в рецензируемой работе, господство в нем строгой иерархии, в соответствии с которой божества располагаются в пантеоне, создавая в нем длинную лестницу со множеством ступеней. Следует считать исключительно важным установление того факта, что в мире местных божеств деление обуславливалось не взростным принципом, а степенью их могущества, в свою очередь определявшегося численностью и экономическим состоянием тех территориально-этнических групп и общинных организаций, покровителями которых эти божества считались. Отсюда вытекает весьма важное заключение автора о том, что только общество с далеко зашедшей имущественной дифференциацией могло положить в основу иерархического деления своих божеств принцип экономической состоятельности населения. Любопытно, что добро и зло в так называемом сакмо, представлявшем собой своеобразное социально-религиозное объединение территориально-этнических групп и общин, подчинявшееся местным божествам через их теократическую власть, всецело зависело от самого сакмо. Если подвластные (т. е. члены сакмо) сполна несли самую разнообразную «службу» своим божествам, их ожидало благополучие. Характерно, что в этом мире божеств царили в грубой и совершенно бесцеремонной форме не только материальная заинтересованность, но также корысть и подкуп.

Наряду с выявлением этих ранних ступеней религиозных воззрений грузинских племен В. В. Бардавелидзе установлено, что пантеон астральных божеств, исследованный акад. И. А. Джавахишвили, относится к одной из наиболее поздних ступеней грузинской дохристианской религии, поскольку в этом пантеоне, вместе с древнейшими по происхождению религиозными персонажами, представлена седмица старших божеств, олицетворявших семь светил, каждое из которых связывалось с одним из дней семидневной недели лунного календаря.

На всем протяжении рецензируемого труда наглядно прослеживается, что развитие религиозных взглядов и трансформация божеств на различных ступенях пантеона следуют по пути социально-экономического развития грузинских племен и отображают этот процесс. Становится заметным, как с выделением старейшин, военных вождей, родовой знати, накоплением в руках последней богатства дифференцируется мир духов; их образы перерастают в образы богов, складывается их иерархия и создается политизм.

Представляет большой научный интерес установление В. В. Бардавелидзе ступени раннеклассового пантеона и выявление его природы и характерных особенностей. Это открытие является важным научным достижением принципиального характера, поскольку исследованный пантеон показывает, что он составлял религиозную надстройку у восточногрузинских племен на раннеклассовой ступени их общественно-исторического развития. Установление этого факта истории грузин опровергает застоявшееся в научной историографии мнение о существовании «вечного родового строя» у грузинских горцев и по-новому освещает историческое прошлое грузинских и вообще кавказских племен.

Конкретные результаты изучения древнегрузинских верований позволили В. В. Бардавелидзе высказать представляющие большой интерес положения в области актуальных культурно-исторических проблем. Некоторые из этих положений находят блестящее решение в исследовании самого автора. К примеру можно назвать следующий факт: с учетом данных пантеона раннеклассового общества и на основе тщательного и всестороннего изучения мотива древа жизни и изобилия и культа волков-собак у грузинских племен автор дал новую интерпретацию ритуальной композиции на уникальном памятник материальной культуры середины II тысячелетия — серебряном кубке из Триалети. Как известно, этот кубок украшен гравированным орнаментом и двумя чеканными фризами, на нижнем из которых изображены следующие друг за другом олени, а на верхнем — сложная композиция, состоящая из 23 антропоморфных фигур, двух животных, дерева и нескольких различных предметов. В. В. Бардавелидзе критически рассматривает высказывания в научной литературе о содержании данной композиции (П. Н. Ушаков, Б. А. Куфтин, Ш. Я. Амиранашвили). Давая детальные и вместе с тем логичные разъяснения относительно изображения каждого из представленных там персонажей в отдельности, автор вскрывает содержание всей композиции, отображающей пантеон периода разложения первобытно-общинного строя. Наряду с этим в труде В. В. Бардавелидзе убедительно, на наш взгляд, доказывается этническая принадлежность триалетской древней культуры. Как правильно заключает автор, изображения верхнего фриза триалетского серебряного кубка настолько органически вплетаются в цепь культовых образов, существовавших на протяжении всей истории идеологического развития грузинских племен, что не может быть сомнения в принадлежности древней триалетской культуры грузинским племенам; не может быть сомнения в том, что создателями и преемниками этой древней культуры являются предки грузинского народа (стр. 252). Мы думаем, что эта новая интерпретация займет прочное место в специальной литературе.

Особо следует отметить исключительно ценное научное значение результатов разработки вопросов об обрядовом графическом искусстве, которому в рецензируемой монографии отведен специальный раздел — вторая часть книги. Необходимо заметить, что народное обрядовое графическое искусство, представляющее собой весьма интересную область быта и истории материальной и духовной культуры населения Кавказа, не было до настоящего времени предметом специального изучения. Одной из больших заслуг В. В. Бардавелидзе является то, что она впервые обратила внимание на эту малозученную у нас область и разработала узловые вопросы грузинского (сванского) обрядового графического искусства.

Обрядовые графические изображения сванов выполнялись, как правило, женщинами в Верхней Сванетии на празднике мертвых Липанал, а в Нижней Сванетии — в ранневесенний праздник Бембгу, или Бослоб. В рецензируемом труде установлено, что сюжет сванского обрядового искусства с предельной четкостью выявляет интересы котловодческо-земледельческого населения. Из 218 фигур в собрании изученных рисунков 120 представляют собой изображения животных. Из зооморфного мира больше всего представлены домашние животные, из них в первую очередь — бык и корова, далее — козел, овца, лошадь и свинья, а из диких — тур. Наряду с домашними животными в центре внимания находятся объекты, отображающие культуру хлебных злаков. На основе тщательного художественно-стилистического анализа этого искусства раскрыты его идейное содержание с учетом всей специфики базисных явлений хозяйственного быта сванов. В. В. Бардавелидзе приходит к весьма ценным заключениям, часть которых приобретает общетеоретический характер и может иметь, на наш взгляд, важное значение для разработки узловых вопросов генезиса и развития народного изобразительного искусства. Необходимо подчеркнуть ценность исследований, проведенных В. В. Бардавелидзе в живом быту, в большинстве случаев на месте, где выполнялись художественные произведения и осуществлялось наблюдение над художниками в процессе их творчества. В результате изучения этих данных в рецензируемом труде установлено, что в сванском обрядовом графическом искусстве встречаются двойного рода рисунки: натуралистические и геометрические. Основная разница между ними заключается в том, что в натуралистических рисунках форма и содержание соответствуют друг другу, а в геометрических — графическое изображение и образ, воспроизведенный в названии рисунка, не совпадают. Установлено также, что с точки зрения идейного содержания сванское обрядовое графическое искусство связано либо культом мертвых, либо с почитанием божеств, либо оно имело магическое значение.

Представляет интерес установление автором своеобразного характера первоначального выполнения сванских магических рисунков. При анализе этого явления автор держится верной концепции, заключающейся в основном в том, что геометрические изображения, представленные в обрядовом графическом искусстве, несмотря на кажущуюся их абстрактность, обладают реалистической формой и натуралистическим содержанием. Изображения сперва возникают на магической почве, как рисунки с одним ложным образом, порождаемым в сознании людей в результате одновременного появления двух разных образов: одного, заключенного в наносимом на плоскости изображении, и другого — в произносимом слове (названии природного или искусственного объекта). Это происходило под влиянием острых ощущений и сильных эмоций, которые испытывало магически действующее лицо и под воздействием которых и зарождался с ним этот единый образ. В объяснении этого сложного процесса автор исходит из сновного положения о том, что все это искусство является как бы одной из сторон

производственного процесса, ибо акт магического рисования нужно рассматривать как одно из наиболее эффективных — с точки зрения человека той эпохи — средств воздействия на окружающий его реальный мир и подчинения ему внешних сил природы.

Привлекая к сравнению многочисленные данные общей этнографии, истории культуры и первобытного искусства, автор разбирает существующие теории происхождения этого искусства (К. фон ден Штейнен, Э. Гроссе, Л. Я. Штернберг и др.). Вопреки мнению буржуазных ученых об определяющем значении биологического фактора в развитии искусства, В. В. Бардавелидзе на конкретных данных показывает, что народное художественное творчество является одной из сторон проявления человеческой деятельности через конкретно-чувственную форму познания действительности в образах. Большая ценность результатов исследований и выводов В. В. Бардавелидзе заключается и в том, что благодаря этим выводам намечается новый путь решения проблемы генезиса рисунков, известных в современной специальной литературе по первобытному искусству под названием «условных геометрических изображений с символическим значением».

Книга снабжена совершенным научным аппаратом. К труду приложены списки обширной использованной автором литературы и рукописей, указатели личных, географических, этнических, мифических и культовых имен, предметный указатель, указатель терминов в аналитической транскрипции, аннотированные списки иллюстраций в тексте и на отдельных таблицах. Следует отметить, что благодаря применению транскрипционных знаков автором с исключительной точностью передана весьма богатая и разнообразная специальная терминология. Хорошо отпечатан и расположен в книге богатый иллюстративный материал.

Оценивая книгу В. В. Бардавелидзе в целом, следует, отметить, что это — обширное исследование, дающее исторически верное, глубокое и систематическое изложение древнейших религиозных верований и графического обрядового искусства грузинских племен. Оно представляет большой интерес и для научного освещения узловых проблем этнографии и истории Кавказа, а также для разработки общетеоретических вопросов этнографии и первобытной истории.

Сказанное позволяет заключить, что труд В. В. Бардавелидзе является ценным вкладом в нашу советскую этнографическую и историческую науку.

М. К. Гегешидзе

Н. А. Кисляков. *Семья и брак у таджиков (По материалам конца XIX — начала XX века)*. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XLIV, М.—Л., 1959, 268 стр.

Рецензируемая работа представляет собою исследование истории развития семьи и брака у таджиков, основанное на этнографических материалах, которые автор собрал в течение 20 с лишним лет. Эти материалы в большинстве получены в результате личных наблюдений автора и информации сведущих лиц. Книга состоит из введения, пяти глав (Семья и семейная обрядность; Формы заключения брака, свадьба и свадебная обрядность; Калым и приданое; Анализ свадебной обрядности; Некоторые исторические параллели) и заключения. В приложении даны указатели — местных терминов и географических названий.

Большой интерес представляет «Введение», знакомящее читателя с общественными отношениями у таджиков накануне Великой Октябрьской социалистической революции, в значительной степени определявшими собой семейно-брачные отношения. Автор правильно делает, рассматривая отдельно хозяйственную и общественную жизнь таджиков горных районов и таджиков равнинных районов и городов. Необходимость такого разграничения вызвана тем, что большая часть территории, населенной горными таджиками, в рассматриваемое время принадлежала Бухарскому ханству, где господствовал феодальный способ производства; меньшая же часть населенной таджиками территории, главным образом ее северные районы, входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства царской России. Во «Введении», которое можно рассматривать как самостоятельный исторический очерк, приводятся ценные материалы о землевладении и землепользовании у таджиков Восточной Бухары. Неоспорим вывод автора о том, что «дореволюционный таджикский кишлак по существу являлся сельской общиной, основанной на сохранившихся общинных формах землепользования и водопользования, коллективных началах труда и ряде других общественных явлений, каковыми было наличие общественных ремесленников, общинных зданий и т. п.» (стр. 19). Для всех исследователей, занимающихся вопросами истории Востока, и в частности Средней Азии, большой интерес представляет материал, доказывающий, что, несмотря на общность национальных особенностей культуры и быта таджиков равнины и таджиков горных районов, социально-экономические отношения в конце XIX — начале XX в. у них были различны. У горных таджиков преобладало натуральное хозяйство, а у таджиков равнины — товарно-денежное хозяйство со значительным проникновением в экономику элементов капитализма (стр. 28).